

«А иначе зачем на земле этой вечной живу?»

Диалог с Булатом Окуджавой

Мне так же трудно представить песни Булата Окуджавы, звучащие под оркестр, как, допустим, его самого — затиснутого в чинный «вечерний» костюм, в рубашку с крахмальным воротником, повязанным строгим галстуком. Вот и на этот раз на нем все та же, наверное, очень удобная в работе, а потому и любимая «ковбойка», да и сам он в разговоре очень «удобный», естественный — как и его песни...

— Булат Шалвович, у вас — романы, и повести, и стихи, и песни... Что же главное?

— Мне трудно определять, что главное, потому что это происходит со мной не по какому-то заранее составленному плану, а, так сказать, по движению души, и то, что я делаю в данную минуту, кажется самым главным, только, пожалуй, за исключением пьес, потому что давно почувствовал, что я не драматург. И не киносценарист. Но вот проза (о результатах, конечно, судить не мне) удается легко, и отношусь я к ней со страстью...

— Поскольку уж речь зашла об Окуджаве-прозаике, хотелось бы прежде всего понять, почему в прозе вы работаете как исторический романист? Ведь проблемы, которые вы рассматриваете, наверное, вполне можно было бы отыскать и в современной действительности?

— Прежде всего, я вовсе не считаю себя историческим романистом, потому что циклопа не ставил перед собой задачи рассказать о каком-то историческом событии или лице, и вообще иллюстрация истории меня не интересует. Вы правы, утверждая, что проблемы, которыми я занимаюсь, вечны и вполне могут быть рассмотрены на современном материале. Но, во-первых, я увлечен историей, и она для меня очень удобный и приятный фон. А во-вторых, события, несколько отдаленные от нас, для анализа удобны: прошли годы, даже века, было, так сказать, время подумать. А то, что происходит сегодня, нуждается в особом глазе, в умении подходить к фактам журналистски — у меня таких способностей нет.

— Что же служит толчком к работе над романом? С чего начинается сюжет — в архивах его подыскиваете или каким-либо иным способом?

— Думаю, что начинается работа с того момента, когда я ощущаю переполненность каким-то материалом, мечтой: подобное состояние побуждает к поискам сюжета. А в архивы особенно зарываться и не нужно, потому что существует масса старых журналов, мемуарная литература, нужно только, чтобы это совпало с тем, что мучает тебя, что есть в тебе...

— Причем такой сюжет вы, как правило, находите в XIX веке — что же, в этом столетии для вас заключен особый аромат?

— Да, меня привлекает девятнадцатый век, потому что он не столь далек, чтобы выглядеть недостоверным, но в то же время достаточно далек, чтобы не потерять загадки... Мне кажется, если я вдруг примусь писать на материале, допустим, пятнадцатого века, то из-за огромной отдаленности этой эпохи неминуемо начнется литературщина, стилизация под известные произведения... Хотя, если увлечешься, то и там, наверное, можно найти нечто...

— Учат ли чему-нибудь вас ваши герои? Ощущаете на себе их влияние?

— Скорее, они испытывают на себе мое влияние. Ведь в каждом герое — и положительном, и отрицательном — везде — я, потому что пишу, используя свой личный материал, свое мироощущение... Да, каким бы персонаж ни

был, он насыщен чем-то, что мучает меня, что бушует во мне... Вообще художник, как мне кажется, во все времена стремится рассказать о себе. Конечно, не в буквальном смысле, но все же — выразить себя, поделиться своим представлением об окружающем мире.

— Как вы делите себя между стихами, песнями и другими жанрами? Не мешает одно другому?

— Уже лет восемь не писал стихов. Лишь недавно вновь к ним вернулся...

— Ну а песни?

— А это и есть песни. Ведь я пишу не специально песни, а стихи, из которых некоторые превращаются в песни.

— Но и сейчас довольно часто выходят фильмы с вашими песнями...

— Как правило, им уже лет по восемь. Вот, например, было у меня старое стихотворение «Давайте восклицать...», и Динара Асанова взяла его в картину... Нет, специально для кино не пишу.

— Булат Шалвович, вы явно забыли про такие фильмы, как, скажем, «Белорусский вокзал», или «Белое солнце пустыни», или «Звезда пленительного счастья»...

— Что ж, песни для этих лент — исключение...

— Тем не менее успех «Белорусского вокзала», как известно, обязан во многом вашим песням. Интересно, есть ли за ней какие-то личные воспоминания, какие-то конкретные события?

— Я не собирался писать эту песню, но мой друг режиссер Андрей Смирнов попросил. Причем в его просьбе была одна изюминка, которая меня подкупила: нужно было сделать песню, которую как бы сложил участник войны (не поэт, а просто человек, умеющий писать стихи). Как будто сложил ее в те годы, находясь в том батальоне... не очень умело, но искренне. Совершенно интересная задача!.. Сначала песня не произвела впечатления ни на режиссера, ни на киностудию, но я чувствовал: что-то в этой песне есть. Просто мешало мое неумение исполнять, да еще, не умея играть, я аккомпанировал себе на пианино. К тому же там присутствовал композитор Шнитке, и делать это при нем было особенно трудно. Но вдруг именно он, один — единственный, сказал: «Это интересно». И тут же воспроизвел песню сам, и мы начали петь дуэтом. И тогда запела вся группа... По моему, в фильме она исполнена именно так, как и должна была прозвучать: без особенного умения, на нерве...

— А были случаи, когда ваши песни исполнялись в фильмах не так, как надо?

— Да, конечно... Ну вот уже давно в картине «Горизонт» молодой человек пел «До свидания, мальчики» — очень плохо, невыразительно, и песня в фильме умерла...

— Зато, помнится, «До свидания, мальчики» стали потрясающим финалом спектакля ленинградцев «Зримая песня»: буквально — мурашки по коже...

— Так было не только в Ленинграде. «Зримую песню» поставили многие театры, и «До свидания, мальчики», действительно, всюду звучала трагично и сильно. И тут у мно-

гом заслуга режиссеров, которые с любовью отнеслись к моему детищу, сделав его произведением искусства.

— Чем вы сами объясняете, что многие ваши стихи стали песнями: только ли тем, что вы их стали петь, или внутренней музыкой, которая в них уже была заложена?

— Тут обоюдное совпадение. Видно, потребность, тяга к пению где-то внутри меня была запрятана, потому что до того, как запел песню, уже написал несколько стихотворений в форме, соответствующей этому жанру. В них изначально была какая-то внутренняя мелодика. Например, такие стихи: «Год сорок первый, зыбкий туман... Уходят последние солдаты в Тамань. А им подписан пулей приговор, он лежит у кромки береговой...». Ритмически они меня очень устраивали. Этот ритм идет от русского фольклора. Скажем, есть такая песня: «За морем синичка не пышно жила, не пышно жила — пиво варивала...» Вот это все как-то соблазняло — и постепенно стало выливаться в песни...

— Пожалуй, еще хоть один пример: как рождается песня? Допустим — о Леньке Королеве?

— «Ленька Королев» появился совершенно случайно, вместе с музыкой, за десять минут. Ни одна песня у меня так быстро не появлялась. Какой-то внутренний импульс, конечно, был, о котором я и не подозревал, поэтому, наверное, моментально наговорил готовые стихи, записал их и тут же начал петь. У меня все песни — на готовые стихи. Только одна родилась наоборот, на музыку — «По Смоленской дороге». Мы с Юрием Левитанским придумали ее действительно на смоленской дороге, зимой, в машине: ездили от «Литературной газеты» по разным областям, и была с нами гитара... А вообще-то при создании песен ничего романтического, экзотичного нет. Все очень буднично. Просто работа. Работа часто изнурительная, потому что все время что-то меняется, переделывается... Да, пожалуй, все, кроме «Леньки Королевы», — это очень сложный и прекрасный процесс. Для меня — прекрасный.

— Как давно вы обнаружили в себе певческие способности?

— Всегда любил петь. В юности с друзьями часто ходил в оперу, и потом меня ставляли исполнять арии Каварадосси, Германа... В армии был запевалой. Кстати, там, на фронте, написал стихи, придумал к ним мелодию — и потом наш полк пел: «Нам в холодных теплушках не спалось...»

— Значит, это была самая первая ваша песня?

— Пожалуй... Закончилась война, и вот как-то в сорок шестом году, будучи студентом, подсел к пианино и двумя пальцами стал подбирать

песенку: «Ненстов и упрям — гори, огонь, гори! На смену декаблям приходят январы...». Друзья ее подхватили... Прошло еще десять лет, когда появились стихи «О Ваньке Морозове», скоро ставшие песней. За ними — другие, третьи... Однако спустя годы вдруг почувствовал, что пишу песни, видя перед собой аудиторию, — и тогда поставил точку. И правильно сделал. Потому что так можно превратиться в обыкновенного песенника, который в угоду эстраде печет свою продукцию. В таком случае то, что я делаю, теряет свой смысл. Понимаете, для песенника — профессионала это хорошо, а мне нельзя. Я не имею права штамповать песни, пусть даже неплохие. Поэтому сейчас пишу, пожалуй, не больше одной-двух в год...

— А гитару вы освоили тоже в юности?

— Я ничего не «осваивал». Просто однажды мне показали три аккорда, прошло двадцать пять лет — теперь я знаю шесть аккордов. Конечно, играй я на гитаре искуснее — было бы лучше, но виртуозное владение инструментом в этом жанре — вовсе не выручалочка. Сейчас многие молодые люди обращаются с гитарой просто лихо и поют тоже вроде замечательно, но грош цена искусству, если за ним нет судьбы художника...

— Как вы сами считаете: ваши песни за четверть века претерпели какое-то изменение, обрели новое качество?

— Пожалуй, обрели. Лирический герой первых моих песен, таких, как о Леньке Королеве или о московском муравье, был непосредственным, простоватым. Потом, начиная, наверное, с «Молитвы Франсуа Вийона» («Пока земля еще вертится...»), я старался глубже проникнуть в его душу, может — за счет потери непосредственности.

— Признаться, пожалуйста: кто из ваших предшественников в литературе оказал на вас наибольшее влияние?

— Мои главные учителя, хотя я их совершенно не напоминаю, — Пушкин, Лев Толстой, Гоголь...

— Это — в прозе. А в песне?

— Тут, пожалуй, главный мой учитель, как раньше уже дал понять, — русский фольклор. И мои песни, скорее всего — русский фольклор, переосмысленный на городскую почву... Почему-то меня часто связывают с Вертинским. Я люблю Вертинского, но — как музейную редкость, никогда не был к нему столь близок духовно, чтобы это сказывалось в моей работе... А вот песни Беранже, стихи Вийона и русский романс какое-то влияние, безусловно, оказали...

— Булат Шалвович, разрешите сфотографировать вас и непременно — с гитарой.

— А у меня нет гитары.

— У вас нет гитары? А та, с которой выступаете?

— Как правило, случайная...

— Как же тогда сочиняете песни?

— Дома есть пианино. Одним пальцем подбираю на нем мелодию, потом с ходу переключиваю на гитару...

— Трудно представить, что вот так, «с ходу»... У вас же чаще всего достаточно сложные мелодии...

— Но ведь гитара у меня — инструмент аккомпанирующий, поэтому достаточно несколько аккордов, а вот голос создаст мелодию, там — все тонкости...

***

У Булата Окуджавы есть песня: «Виноградную косточку в теплую землю зарю, и лозу поцелую, и спелые гроздья сорву, и друзей созову, на любовь свое сердце настрою... А иначе зачем — на земле этой вечной живу?» Сердце поэта, сердце солдата надежно «настроено» на любовь к людям, и жить иначе этот человек просто-напросто не умеет...

Девятого мая ему исполняется шестьдесят...

Беседу вел
Лев СИДОРОВСКИЙ

□

На снимке: Булат Окуджава.

Фото автора